

Нати́г РАСУЛЗАДЕ
Народный писатель

(Окончание. Начало в №№2,3,4)

Кстати (а может и не очень кстати), но если кого интересуют внешние данные нашего приятеля, то вот они:

Пятьдесят восемь лет, рост - один метр пятьдесят семь сантиметров, вес - шестьдесят шесть с половиной килограммов, пучеглаз и лопоух, на щеке шрам от горячего утюга, которым круглая самоурка мать в детстве приложила к непослушному чаду в целях воспитания; волосы на голове редкие (писатель, что с него возьмешь), на груди - густые, косматые волосы как у животного, одевается неряшливо, если за ним не приглядеть, а это у занятой по горло Нармины не всегда получалось.

Она на семь лет младше него, и живут они вместе (если можно так сказать, но что-то внутренний голос кричит: можно, можно!) уже восемь с половиной лет.

Одним словом, была среда и Нармина осталась, как обычно у Мириева, а утром, когда он одевался тихо, чтобы не разбудить ее и отправиться с богом на работу, она, открыв глаза, помолчав некоторое время и глядя, как он старается попасть ногой в штанину брюк, все-таки ненадолго отравила ему существование.

- Не секс, а мелкое совокутление, - пробормотала она, вновь засыпая и заворачиваясь в одеяло. - Как у насекомых.

- Я очень устал, - стал оправдываться он, - Я даже хотел позвонить тебе, отметить, две ночи не спал...

Одеяло молчало.
"Еще чего! - думал по дороге на работу облезленный репликой любовницы Мириев. - Он мне указывать будет, сопляк! Я его создал и будет так, как я хочу, как я задумал. Женю гада! Пусть вкушает все прелести женатой жизни, пусть исправляется, станет счастлив! Женю, и никакие глупые галлюцинации меня не остановят. Пусть и он вкусит... как у насекомых... Да! Ничто мне не помешает! Женю его!"

В эту ночь, уже без Нармины в постели, Мириева вновь посетил ужасный сон: теперь он видел себя выходящим поздно ночью от друзей, где они собирались теплой компанией по воскресеньям играть в карты и играли до поздней ночи, видел, как он пробирается почему-то осторожно, на цыпочках по темной ночной улице, и вдруг обнаруживает подбираться к нему - тоже на цыпочках - Насиба с огромным, словно театральным ножом в руке, он, охваченный ужасом, хочет бежать, но не может, ноги как магнитом притягивает асфальт, но не может в свою очередь и Насиб. Он видит, как

тот с трудом отрывает ноги от мостовой, но тем не менее - догоняет... Мириев несколько раз за ночь проспался в холодном поту, пил теплую воду, чтобы не простудить горло и снова клал голову на мокрую подушку, но спилось опять то же самое, комическая и жуткая погоня посреди безлюдной ночной улицы.

Соседи по дому, товарищи на работе, просто знакомые и друзья, которых у Мириева было крайне мало, стали замечать за ним странноватое поведение. Не замечала только Нармина, потому что еще не наступила среда, а все странное поведение происходило между двумя средами. Он ходил полусонный, на работе был крайне заторможенный, часто вздрагивал как от оплеухи, когда его звали по имени, так что, приглядевшись повнимательнее к нему, даже директор предложил Мириеву пока не выходить на работу, отдохнуть недельку дома за свой счет.

Один из очень редких друзей, а конкретно - единственный друг Мириева работал художником-оформителем в одном с ним издательстве. Он первый заметил, что с другом что-то неладное творится, то ли апатия, переходящая в депрессию,

что Мириеву сразу не понравилось, он не доверял молодым врачам, особенно психотерапевтам, понимая, что медицина - самая темная из наук, а психиатрия - самый темный уголок этой темной науки, и молодые психотерапевты, еще не накопившие достаточный опыт работы, не внушали ему доверия.

Тем не менее молодой психотерапевт был очень общителен, контактен, местами даже обворожителен. Он ласково поговорил с Мириевым, все досконально вытянул из него и резюмировал:

- Вам следует отдохнуть. Подышать свежим воздухом. Лучше всего на природе, поезжайте на недельку в деревню, в горы, в леса...

Резюме не понравилось Мириеву, и мелькнула даже скандальная мыслишка - не платить. Но с кислым лицом он все же отринул эту неприятную мысль и положил на стол крупную купюру, сумму гонорара он узнал у своего издательского друга.

Врач проследил взглядом, как Мириев шел к двери, не простившись с ним, и вдруг сказал так, будто его только что осенила гениальная догадка.

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ ПИСАТЕЛЯ МИРИЕВА

то ли уже сама депрессия, так нехарактерная для Мириева.

- Что с тобой происходит? - спросил друг Мириева. - Ты в последнее время какой-то... не такой.

Мириев на первый раз решил отмахнуться от его назойливых вопросов, не вдаваясь в подробности, но когда сон, один и тот же жуткий сон и на следующую ночь приснился, тогда Мириев признался другу в причине такого своего состояния.

- У меня есть хороший психотерапевт, - сказал друг. - Сходи к нему. Я позвоню. Он тебе поможет.

И Мириев пошел. Пошел, не откладывая, на следующий же день, не дожидаясь очередного повтора уже не раз виденного сна. Надоело, да и страшно. Того и гляди среди ночи объявится мерзавец с ножом в руке, зарежет, поди потом разбирайся - галлюцинация это или реальность.

Психотерапевт принимал в своем офисе, правда, далеко от центра города, но офис был довольно приятный, обставленный разными дипломами и наградами, доказывающими, что надо платить, как скажет. Он был молод, лет под со-

щился в довольной улыбке губы пациента. - Что и требовалось доказать! - на этот раз торжественно резюмировал он.

Это резюме понравилось Мириеву. Уходя, он вдруг вспомнил и сказал с порога:

- Да! Еще одна маленькая деталь, я ее упустил...

- Говорите все! - сказал врач внушительно. - Любая маленькая деталь может создать большую проблему, если ею пренебречь.

- Когда я вышел от своих друзей, я вдруг споткнулся в темноте и упал, и разбил часы, часы остановились ровно на двенадцати.

- Отличная деталь, - одобрил врач сказанное Мириевым. - Давайте будем соответствовать. Выйдите от своих друзей ровно в двенадцать. Нельзя игнорировать мистику, в ней много от реального.

- Хорошо, - сказал Мириев и, тепло попрощавшись с врачом, вышел из его офиса.

"И сегодня как раз воскресенье, - думал он, шагая домой по кривой, соскучившейся по дворничьей метле улице. -

Пойду к Эмину и Сабине, посидим, поиграем в преферанс, кстати, их старший сын отлично играет, и одно удовольствие иметь такого партнера, одно плохо - как бы он не перерос в профессионала..."

Эти воскресные посиделки за картами в крутую милую интеллигентной семьи Мириев очень любил, и с самого начала недели с нетерпением ждал и предвкушал планируя и обдумывая, что бы такое оригинальное кроме торта и бутылки хорошего виски или коньяка можно было бы принести в гости, но фантазия его на этом и кончалась, не успев развиваться и перейти в более изощренные формы. Супруги каждый раз ругали Мириева за ненужные траты, и каждый раз он игнорировал их добродушное ворчанье. Сказать правду, еженедельная бутылка коньяка и дорогой торт от известной фирмы "Аза" производили ощутимую брешь в бюджете Мириева, но так как был он человек уже немолодой, да и любовницу имел такую, что зарабатывала гораздо больше его, то, можно сказать особых трат в жизни Мириева кроме квартплаты и коммунальных услуг не было.

Эмин работал архитектором в частном проектно бюро, а Сабина была педагогом, старший сын их учился на архитектурном факультете и, кажется, готовился переквалифицироваться в профессиональные картежники, судя по тому, что часто его мать, Сабина видела у него слишком внушительные суммы денег для его юношеского возраста, и уже проводилась беседы с воспитательной целью между юношей и родителями. Эмин готовил великолепные коктейли, но никому не открывал рецепт приготовления, и очень гордился тем, что только он один знает, как и что добавлять, смешивать, взбалтывать и прочее. Чтобы придать игре остроту все участники с недавних пор решили играть по маленькой, на денежку, и как стремились, так и получилось - придали остроту.

- А знаете, что мне сейчас пришло в голову? - спросил врач, лучезарно улыбаясь своей неожиданной, пронзительной мысли.

- Нет, - признался Мириев. - Я не знаю, что вам пришло в голову.

- Ладно, обойдемся без ехидства, - добродушно проговорил врач. - Ведь откровения не так часто посещают психиатров, не все мы Фрейды...

- Понимаю, - смягчаясь, произнес добродушительно Мириев.

- Вот что я предлагаю: поезжайте в гости к своим друзьям, и ночью, уходя от них, прогуляйтесь взад-вперед по той улице, которую вы видите во сне... - он выждал паузу, ожидая, что в нее войдет Мириев.

И Мириев вошел.

- И что? - спросил он.

- И ничего, - сказал врач. - В том-то и дело, что ничего. Вы увидите, что ничего не происходит, вы спокойно прогуляетесь по улице и вернетесь домой...

- И что? - на этот раз уже вполне тупо спросил Мириев.

- И сон покинет вас. Вам перестанет сниться этот кошмар, - уверенно сказал врач и глянул на постепенно растягиваю-

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ

ПИСАТЕЛЯ МИРИЕВА

→ 13

Мириев был как всегда тепло принят и нежно обруган за пакет под мышкой. Сели играть. Как всегда шутили, остряли, запивая остроты фирменными коктейлями хозяина дома. Мириев в пятьдесят пятый раз шуточно попросил Эмина открыть ему способ приготовления такого чудесного коктейля, Эмин в пятьдесят пятый раз шуточно испугался и отказал, все шло как всегда, но Мириев был неспокоен, рассеян и вскоре его необычно беспокойное состояние было замечено, все обратили внимание на его бегающий взгляд, часто бросаемый на ручные часы, на досадные промахи в процессе игры; и, наконец, когда до полуночи оставалось пять минут, Мириев вдруг поспешно поднялся, неразумительно извинился, сославшись на неотложные дела, и пока все участники игры за столом, остолбенев, не пришли в себя от удивления (порой засиживались до рассвета, до первых петухов) и не обрушили на него справедливый гнев и негодование, выбежал из квартиры.

Выбегая из парадного подъезда, он споткнулся о кривой порожек двери и упал, но быстро поднялся, встряхнулся и вышел на темную, без фонарей в этом отдаленном от центра города квартале, улицу, и, пройдя несколько шагов, потирая ушибленное запястье, вдруг обнаружил, что разбил часы, и стрелки, показывающие ровно полночь, теперь мертвы, не движутся, не шевелятся. Тогда он прибавил шагу и почти побежал, рассчитывая на следующем углу вызвать такси. И тут он услышал такие же торопливые шаги за спиной, явно преследующие его. Мириев прибавил шаг, побежал, но преследователь не отставал, и наконец, нагнал Мириева, настигнув его на том самом углу улицы, где Мириев задумал вызвать такси. Боясь обернуться и увидеть то, что он и предполагал увидеть, Мириев все же обернулся и чуть не уткнулся в перекошенное от злости лицо своего персонажа, Насиба, замахнувшегося на него ножом в руке. Он не успел крикнуть, как нож в руке Насиба вонзился в его грудь со стороны сердца и горячая струя полилась под рубашкой.

Мириев вскрикнул и... проснулся в своей постели, с предательски обмоченной простыней.

"Черт бы тебя взял, ни на что ты не годен!" - подумал он в досаде, мысленно обращаясь к своему виновато съевшему пенису.

Пенис обиженно молчал.

"А ты тоже хорош, - подумал в свою очередь пенис, - забыл, что мне пора на пенсию? Сколько можно на тебя вкалывать?!"

Но тут Мириев почувствовал нечто притаившееся за спиной у себя, резко обернулся и увидел Насиба.

- Оставь меня в покое! - крикнул Мириев вне себя от охватившего его гнева. - Оставь меня!..

Насиб презрительно посмотрел на Мириева, заметил мокрую простыню, усмехнулся.

- Писатель, - произнес он, скривив лицо и сплюнул на пол возле постели Мириева. - Да, ты меня создал, ты сделал меня изгоем, и мне нравится им быть, и я не дам тебе изменить меня, изменить мою жизнь, я такой, каким и хочу остаться, и будь ты трижды автором, ты ни-чего не сможешь поделаться...

- Да иди ты к черту! - воскликнул Мириев. - Живи как хочешь, мне плевать на тебя! Но не забывай, что ты - часть меня, я твой создатель, и многие твои черты я заимствовал у себя и... пока только негативные, я отдавал тебе все самое худшее, самое низменное, подлое, жестокое, что жило во мне, а теперь пора...

- Нет, мне хватит и самого худшего, - прервал его Насиб. - И неужели ты не понимаешь, ты, писатель, - пренебрежительно повторил он, - что у меня должны быть гарантии, что меня не арестуют по твоему наущению, не убьют в драке по твоей прихоти, не задавят машиной по твоему желанию, что я не сверну себе шею, упав с крыши после квартирной кражи, у меня должны быть гарантии... а их нет, век воли не видать! Сам понимаешь... Все в твоих руках... И это опасно. Пока ты жив и можешь что-то исправить, что-то нехорошее настроичить про меня, я не могу быть спокоен, не могу нормально жить! - в ярости заорал Насиб.

- Погоди! - испуганно воскликнул Мириев. - Что ты хочешь сказать? Что ты задумал!? Эй, не делай этого, пожалей себя...

- Это вряд ли, - проговорил ночной гость.

Два дня Мириева не могли дождаться на работе, не могли дозвониться, и только на третий день, в среду, когда как обычно, пришла Нармина и открыла дверь своим ключом...